

ПО МАСТЕРСКИМ ХУДОЖНИКОВ

„Красная Панорама“, приступая к обзору крупнейших явлений художественной жизни СССР, предполагает поместить ряд очерков, освещающих работу, как отдельных, наиболее значительных, мастеров, так и молодых, выдвигающихся художественных сил — под общим заголовком „По мастерским художников“. В них будут даваться художественные „портреты“, освещаться работа и условия, в которых она протекает; эти статьи будут снабжаться оригинальными рисунками самих художников, их портретами, видами их мастерских и т. п. Цель таких статей — приблизить современного читателя к наиболее примечательным явлениям художественной жизни и ввести его в лабораторию художественного творчества.

Б. М.

КУСТОДИЕВ

Первую статью мы посвящаем художнику Борису Михайловичу Кустодиеву, одному из крупнейших мастеров современности.

Б. М. Кустодиев, ученик И. Е. Репина, старый член О-ва „Мир Искусства“, принадлежит к числу художников бытовиков. Целиком устремленный к жизни, он, в своем бытописательстве, далек от тенденциозности и публицистики, столь характерных для его предшественников, передвижников: к быту он подходит, как художник, прежде всего воспринимающий видимость, красочность и кипение жизни. Его картины всегда густо „населены“, полны движения. У него есть ряд излюбленных мотивов — сельские и провинциальные ярмарки, масляничные гулянья, жизнь купечества и крестьянства, изученные им в совершенстве. Но, несмотря на некоторую „ограниченность“ его тем, диапазон дарования Кустодиева огромен, так как он не замыкается в рамках одной какой-нибудь техники, а пробует свои силы в различных отраслях изобразительного искусства. В его активе множество картин портретов масляными красками, рисунков, литографий

и проч. Заметную дань он дает и скульптуре, создав ряд прекрасных бюсттов современников и фигурок русских типов.

Эта широта и разнообразие художественных приемов Кустодиева придают всей совокупности его работ чрезвычайную гибкость и жизненную применимость его искусства. За последние годы Кустодиевым исполнено множество иллюстраций для произведений русских писателей, масса графических работ (обложек, детских книг и проч.). Кустодиев, исходя в своих темах из действительности, из реальной жизни, и самые произведения делает практически глубоко нужными той же жизни.

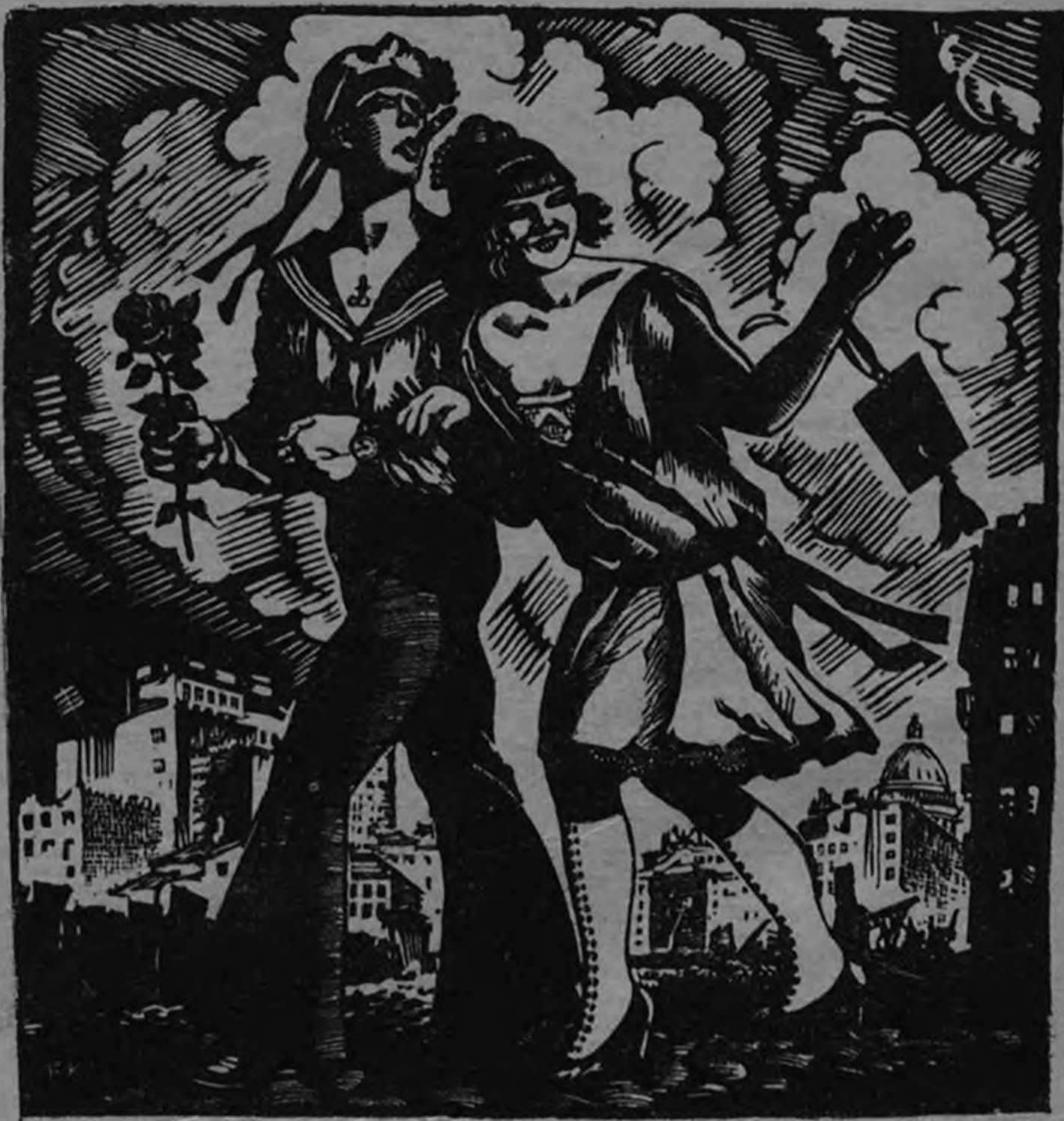
Значение Кустодиева, как быто-писателя, сумеют в полной мере оценить лишь грядущие поколения; и с этой стороны, можно сказать, что, со временем, его творчество в целом придется рассматривать, как историческое; по его картинам, рисункам, литографиям и проч. впоследствии будут изучать нашу эпоху и годы, ей предшествовавшие. Именно в его произведениях быт схвачен наиболее ярко и показательно, а портреты его — целая галерея выдающихся деятелей его времени.

Г. Верейский: портр. т худ. Б. М. Кустодиева. (Ориг. рис. для „Красной Панорамы“).

Б. М. Кустодиев: мастерская художника. (Ориг. рис. для „Кр. Панорамы“).

Б. М. Кустодиев: „Матрос и моряк“. (Грав. на линолеуме).

Кустодиев уже много лет страдает неизлечимой болезнью, навсегда приковавшей его к креслу; он лишен возможности двигаться самостоятельно; большую часть времени ему приходится проводить в 4-х стенах своей мастерской, в непрерывной, напряженной работе, которая одна дает ему силы и желание жить. Когда бы вы ни пришли к Кустодиеву, вы всегда застанете его за работой; в светлое время он пользуется случаем работать красками, — с наступлением сумерек — рисует, гравировал. В большинстве случаев, приход гостя, особенно человека близкого, не прекращает его работы; он как-то умудряется разговаривать и набрасывать на бумагу свои „бытовые фантазии“ — иначе трудно назвать его бесчисленные композиции на тему быта. Это все он черпает из богатой сокровищницы своей совершенно исключительной памяти. А как он рвется к жизни, как досадует, что судьба лишила его возможности всюду ходить, зорко подсматривать мельчайшие бытовые черточки! Редко и с большим трудом удается устроить ему поездку по городу, в музей, театр... Трудно примириться с мыслью, что такой глубоко жизненный человек, с такой кипучей художественной энергией вынужден кататься в кресле по мастерской; удивляешься, как у него еще хватает сил выносить такое положение.

ФАРАОНОВ СЫН

Эскиз В. АНДРЕЕВ.

Когда городской Чистяков стоял на мосту, заложив за спину руки в белых витяных перчатках и выставив толстую ногу в блестящем сапоге, — походил на памятник полководца или императора.

И проходящие недружелюбно и с опаскою косились на красное, рыжеусое лицо, светлые сапоги, „сеledку“ на лакированной портупее.

И хотя Чистяков был как и все полицейские не хуже и не лучше других, его как-то особенно не любили. Жильцы дома, где он жил, по фамилии не называли, а просто:

Фараон из двадцать третьего...

Сыниска его, Федька, привезенный из деревни на 12-м году жизни, встречен был детворою неприязненно и за ним сразу установилось прозвище „фараонов сын“. По имени называли — родители, по фамилии — в школе, остальные же все — „фараонов сын“.

Когда Федька появлялся во дворе, ребяташки дразнили его нещадно, но драться не лезли. Был он большой и толстый, великаном выглядел среди ребяташек. Боялись.

Федька жил одиноким и с течением времени сознал, что причина его одиночества та, что отец — „фараон“, полицейский крючок.

По окончании начальной школы отец определил Федьку в четырехклассное.

Возвращался как-то из училища в форменной фуражке четырехклассника свензелем: „Г. У.“.

Мальчишки, завидя его, запели в отдалении, злобным хором:

— Городового убил! Городового убил!

А прачкин Ванька, самый озорной, закричал:

— Братцы! Он отца убил! Городового... Не стыдно, не стыдно! Отца убил!

— Не стыдно! Отца! Городового убил! Отца!

Дрожа от непонятного страха, торопливо взбирался по лестнице, домой, в третий этаж, а со двора — певуче:

— Отца убил! Городового убил!

В морозный февральский вечер, тщетно мучаясь над геометрической задачей, Федька услышал из соседней комнаты разговор:

— Откажись, Петр Степаныч! — говорила мать тихим робким голосом: — видано ли дело, в людей стрелять. Господи, твоя воля! И себя то пожалей, коли людей не жалеешь. Убьют!

— Убьют! — густо басил отец. — Много они убивали. Учиться им еще убивать-то надо! Да ты, дура, не реви. Не зарарма. Двадцать пять в час. Шесть часов поработал и полтораца целковых в кармане.

— Поработал! Побойся бога! — плакала мать: — еще работой называет. В людей стрелять! Пропали ты с работой с этой, прости господи!

— Молчи!

Тяжелый удар! Взвизгнула мать. Федька, зажав уши, уставился в учебник.

Академик А. П. КАРПИНСКИЙ

Всесоюзная Академия Наук торжественно отметила 40-летие академической и 60-летие обще-научной деятельности президента Всесоюзной Академии Наук геолога А. П. Карпинского.

Толпа волновалась морем.

Федька протискался в гущу столпившихся вдоль тротуара. Много солдат, разъяренных, кричащих, похожих на пьяных. С винтовками, с патронами в лентах на плечах. И вольных много. И здесь же, забывая утирать сопливые носы — неизменные спутники уличных событий — ребяташки.

— Там! На чердаке! Вот! — кричал кто-то.

Застучало мотором что-то вверх.

— Стреляет! Бегись, товарищи! — тот же голос.

— Товарищи! Перебежку к дому, в ворота! Кто со мной?

Выбежал один из толпы, бросился к дому по ту сторону улицы. Несколько солдат, туда же. Не помня, не соображая, за ними — Федька. Как во сне шел за толпою по лестнице, тихо, как и те, крадучись.

— Вот — здесь! — прошептал кто-то.

Федька в сумерках различил в руке говорившего револьвер. И вдруг — распахнулась дверь.

Грохнуло, полыхнуло огнем... Человек с револьвером вскрикнул. Федька схватил загремевший по ступенькам револьвер.

— Федя! Где ты ходишь? Отца нет и ты, вот...

— Мама... я... мама...

Вздрыгнула, взглянув на белое лицо сына.

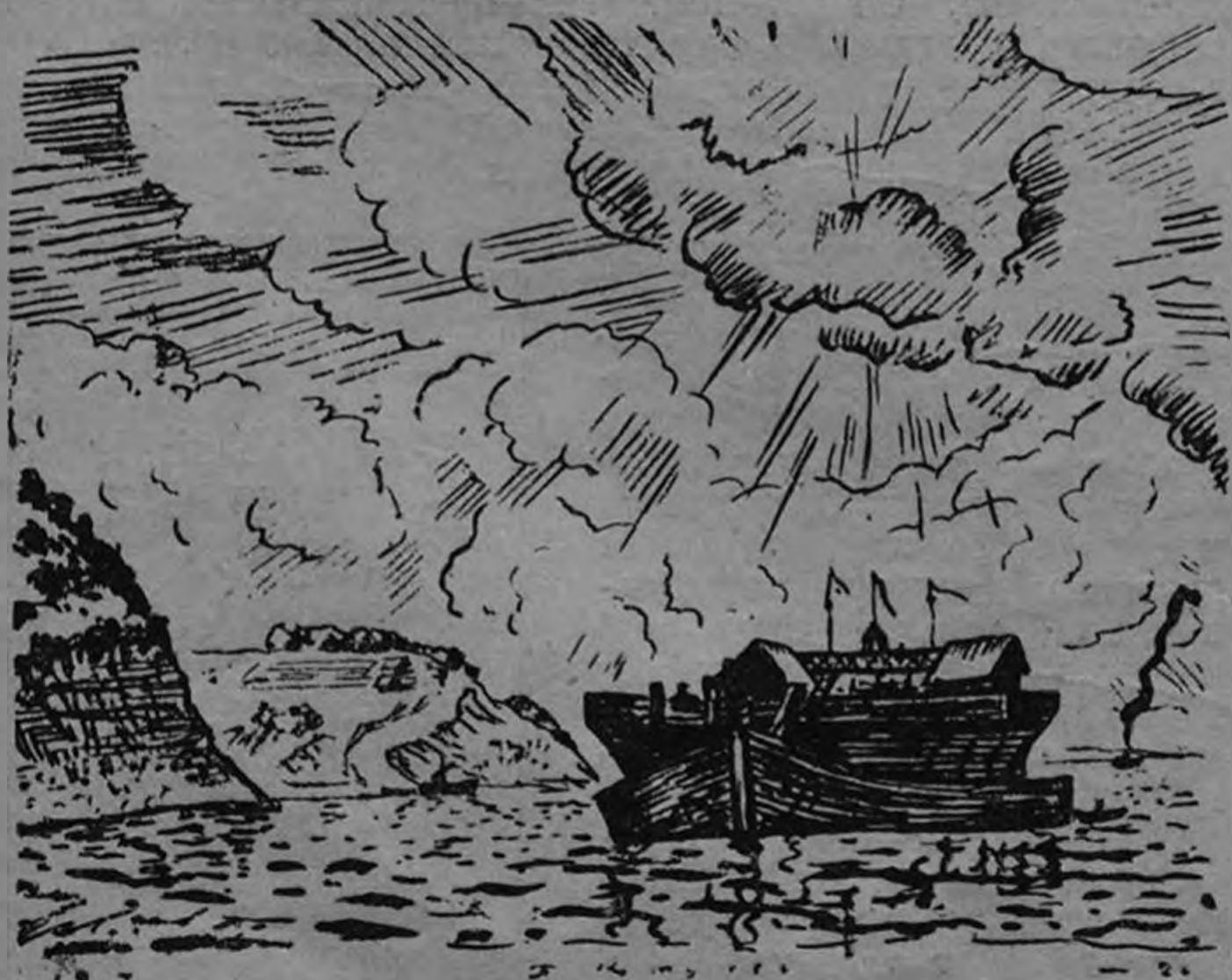
— Что с тобой, Феденька?

— Мама... Я... городского...

— Что? Что?

— Городового... Чистякова... убил, — непослушными губами прошептал страшно бледный Федька.

В. Андреев

Б. М. Кустодиев: „Волга“. (Ориг. рис. для „Красной Панорамы“).

Прошлым летом Б. М. удалось совершить две большие поездки — по Волге до Астрахани (его родина) и в Киевскую губернию. Он жадно впитывал впечатления и где мог — рисовал.

Сейчас Кустодиев занят иллюстрациями к поэме пролетарского поэта Василия Казина: „Лисья шуба и любовь“, — но главное его увлечение — гравюра на линолеуме. Недавно им сделаны три больших гравюры (одну из них мы воспроизводим) и задуман ряд новых, между прочим, серия портретов писателей и артистов.

Гравюры Кустодиева очень своеобразны, — несвязанный особыми, гравировальными традициями, художник работает очень свободной, широкой манерой (см. рис.). К сожалению, гравюре он может уделять не много времени, — в перерывах между текущей иллюстрационной и живописной работой.

Творчество Кустодиева проникнуто чувством жизнерадостности и непринужденного веселья, находящегося в таком разительном противоречии с его собственной горькой участью; — оно зовет зрителя к бодрости, к утверждению жизни, — и в этом великая сила Кустодиевского темперамента и таланта.

Недавно в газетах промелькнуло известие, что Ц. К. Все-рабиса возбуждено ходатайство о награждении Кустодиева званием заслуженного художника, — думается, что эта „заслуженность“ уже давно сдвигалась слишком очевидной для широких кругов.

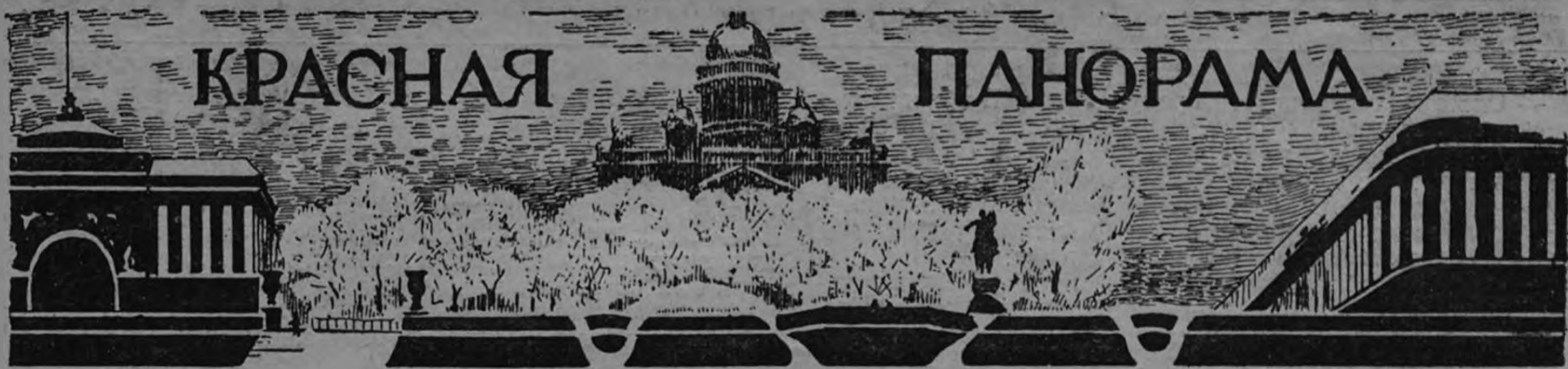
Всеволод Воинов

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

К международному дню работницы: батрачка.

*(Ориг. рис. для „Кр. Пан“
худ. П. Кочергина).*

№ 10 (104)

ЛЕНИНГРАД

Пятница, 5 марта

Лирическая повесть БОРИСА ЛАВРЕНЦА *)

Глава пятая.

На другой вечер пришел к Марье Семеновне один Платон Никитич.

Падел новую куртку с телеграфными кантиками и волосы маслом пригладил, а в петлицу василек вдел.

Марья Семеновна с крылечка еще увидела, усмешечкой осветилась.

— Что это, Платон Никитич, вы такой сегодня нарядный, будто на свадьбу?

Смутился даже сначала Платон Никитич, слова сказать не мог. А Марья Семеновна руку ему пожимает ровно кипятком обдаёт.

— Такой, извините, день у меня счастливый. Марья Семеновна. Радуюсь, что пострадать мне пришлось за невинную честь девицы.

Марья Семеновна удивленно так поглядела.

— За какую честь девицы?

— За вашу, Марья Семеновна.

— За мою?

— За вашу. Вступился я вчера за вашу целомудренность и приговорен к пятидесяти копейкам серебряным на Добролет. Но только я от этого неказанно и даже изъяснить не могу.

Марья Семеновна покраснела и говорит.

— Ничего не понимаю, Платон Никитич. Какая целомудренность, при чем тут я и кто, наконец, дал вам право за мою невинность вступаться. Глупо очень!

Платон Никитич испугался и даже пятки у него вспотели.

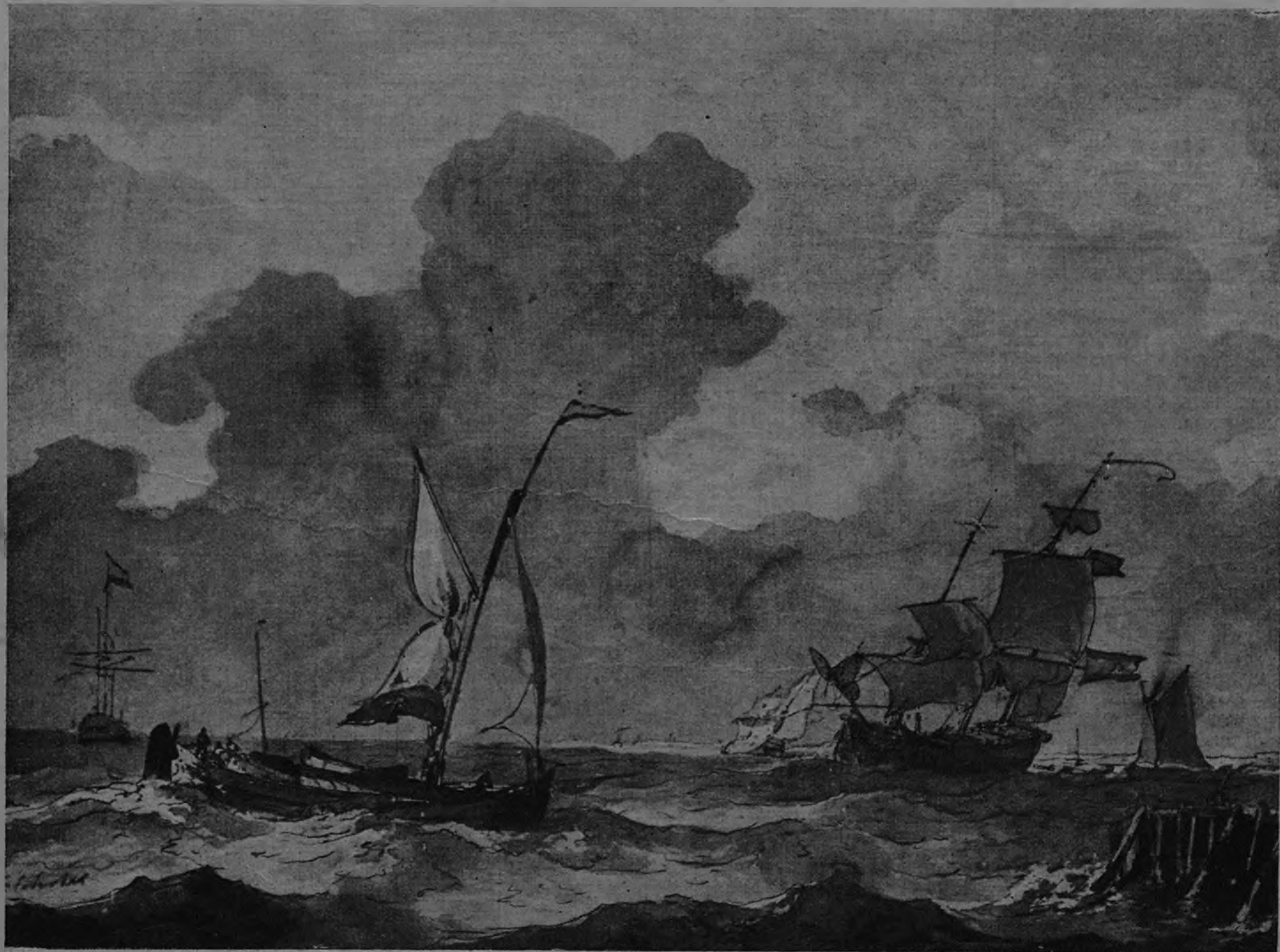
— Не сердитесь, дорогая Марья Семеновна. Видит небо, рад за вас жизнь отдать. А только на вас который вечер подряд половое покушение было и вы сами того не знали.

Марья Семеновна еще пуше краской залилась и как захохочет.

— Вот люди! Ну и экземплярчики! Да расскажите вы толком, в чем дело.

Платон Никитич сел на табурет и начал рассказывать по порядку все, как было, а Марья Семеновна напротив сидит, лицо суровое, глаза в пол и только губы дрожмя дрожат.

Кончил Платон Никитич, она встает и ручку протягивает.

Эрмитаж: выставка рисунков. Редкий рисунок М. Схотель (нач. XIX в.).